

Пролог

Все произошло настолько неожиданно, что я до сих пор не могу прийти в себя. После переезда из Парижа в Нью-Йорк в декабре 2008 г., несмотря на некоторые «ахиллесовы пяты», в целом себя я чувствовал вполне здоровым. Более того, в спортклубе тренеры даже удивлялись, с какими гирями я занимаюсь, и никто мне не давал моих лет. На спор со своей дочкой я даже умудрился восстановить «шпагат» (правда, на троечку). В 2013 г. я избавился и от очков, когда замечательный врач, д-р Шульман удалил катаракты обоих моих глаз и имплантировал новые хрусталики (мои –13 превратились в +1). Иногда все же кое-какие возрастные изменения в теле я чувствовал, но было бы странно в 68 лет не иметь зачатков остеохондроза. Иногда и подпорченный мениск зудел, но он как появлялся, так и исчезал. В целом же я чувствовал себя в спортивной форме и главная моя забота на тот момент – избавление от жира на животе, над чем я успешно бился, уменьшив вес с 79 до 73 кг. Единственное, что смущало – это то, что во время ежедневной ходьбы (у нас с женой был ежедневный вечерний «марафон») я почему-то потел, хотя и не чувствовал себя усталым. Но в любом случае чувствовал я себя в хорошей физической форме.

Все началось с одного события – переезда на другую квартиру. Это действительно была глупость: жить на Манхэттене вдвоем в 340-метровой двухэтажной квартире. Так и порешили – переезжаем в квартиру поменьше, но в район получше, с East на West side. Мне было все равно, поскольку ни метры, ни места проживания меня никогда не волновали. К тому же переезжали мы много – 34 раза. Дело, так сказать, привычное. Подготовка к переезду для меня заключалась в том, чтобы упаковать книги (более 4000) и папки (около 200). Зная, как упаковывают книги «профессионалы» (полупустые коробки – это их немалые накрутки), я отказался от помощников в этом деле и принялся за работу сам.

Естественно, после переезда (14 октября 2014 г.) – книги нужно было распаковать и расставлять, а все, что упаковали профессионалы, нужно было собрать/расставить и пр. Переезд!!! Через пару дней я почувствовал что-то неладное в животе и решил, что я просто «надорвал живот». Прошло еще недели две, но ничего не восстанавливалось и вдобавок почему-то стала жутко чесаться спина. Поначалу я подумал, что это из-за воды (я плохо реагирую на хлорированную воду). Пришлось купить соответствующие фильтры, но зуд не прекращался. Я также зафиксировал, что у меня постоянно было повышенное

давление, участился пульс и каждый вечер поднималась температура до 37,4. Все знакомые мне лекарства не помогали.

Рак – неожиданная встреча

Почувствовав неладное, я решил пойти к своему врачу, Майклу Аксельруду. Как обычно, первые тесты – кровь и кардиограмма. После осмотра первый диагноз врача был – чесотка. Майкл выписал мне мазь Permethrin Cream, 5%, которой надо было намазать все тело от головы до ног и прождать около 8 часов. Эта мазь не помогла. «Чесотка» меня изматывала. Жена организовала визит к дерматологу-японцу, который (опять же взяв у меня кровь) выписал другой крем – Clobetasol Propionate Cream, USP, 0.05% – от которого вся эта «чесотка» сразу же исчезла. По совету Майкла мне также сделали рентген, который ничего не выявил. В крови ему тоже что-то не понравилось, и я получил первое назначение к специалисту – урологу. Уролог ничего особенного не нашел, за исключением каких-то мелочей, которые я обещал устранить после выяснения причин моей «чесотки».

И я успокоился, хотя в нижней части живота чувствовал что-то необычное. Вроде бы ничего не болело, но было что-то не то. Тогда Аксельруд направил меня на CatScan, – процедура неприятная, поскольку перед ней нужно пить барий (или еще какую-то гадость). Наконец, это сканирование показало у меня опухоль в нижней части живота, которая поначалу меня не испугала, поскольку было написано, что это ВОЗМОЖНО злокачественная опухоль, или, возможно, ... и было перечислено три разных предположительных диагноза. После этого Майкл направил меня на процедуру (колоноскопию), которую я несколько лет назад проигнорировал, поскольку такой тест уже делал в Израиле, да и в целом эта часть тела меня как-то не волновала. На этот раз иного пути не было. Гастроэнтеролог, доктор Евгений Литвак (хочу заметить, что я обычно стараюсь избегать русскоговорящих врачей, особенно с Брайтона, но русские евреи направляют на обследование обычно в свою корпоративную сеть) подтвердил предположение, послав анализ на биопсию. А пока я должен был принимать антибиотики. Тут еще грянули и праздники – Рождество и Новый год. Не до болезней и больных. Короче, хождение по врачам: семейный врач, уролог, дерматолог, гастроэнтеролог, анализы и тесты растянули период постановки диагноза на 2,5 месяца. Окончательный диагноз был поставлен 30 декабря – рак.

Жена и дочь (тут уж не знаю кто кого поддерживал) получили все бумаги, подтверждающие диагноз д-ра Литвака, и пока они в шоке возвращались домой, мой сын срочно назначил прием у хирурга госпиталя Lenox Hill (д-р Долгополов). 30-го декабря 2014 г. хирург назначил операцию только через 13 дней, поскольку сейчас у него отпуск. Делать было нечего, мы согласились.

Подруга моей жены, сама прошедшая через эту болезнь, категорически была против и этого госпиталя, и этого хирурга. «Мир слухами полнится», ...врач с не очень хорошей репутацией, госпиталь с постоянной внутренней инфекцией и пр. Проявив бурную деятельность, которая в конце концов спасла мне жизнь, подруга сама назначила меня на прием к одному из лучших онкологов Нью-Йорка ([Robert Gelfand](#)), причем в эти праздничные дни. И я был первым его пациентом после праздничных каникул – 5 января в 10 утра. Несмотря на уже назначенную операцию в Lenox, я уже поплыл по течению, безвольно доверив себя жене. Но опасения про Lenox я вполне разделял, зная про госпиталь по своему опыту, когда еще до д-ра Шульмана я пытался «починить» свои глаза. Ни разу в Lenox Hill Hospital я не был принят в назначенное время, да и все процедуры многократно дублировались. Главное – человек должен совпасть с бумажками, которые они настойчиво заполняли по сто раз. На бюрократию уходило больше времени, чем на любую процедуру. Просиживать в госпитале по несколько часов было невозможным, и я устроил там скандал. Прием немедленно состоялся. Но затем история повторялась, и я отказался от этого госпиталя, продолжая носить свои очень дальнзоркие очки.

Вернусь к главной теме. Мой, теперь уже главный врач, д-р Гельфанд, по *моим рассказам* не подтвердил диагноза, но когда взглянул на анализы и все тесты, тут же сам позвонил самому авторитетному в этой области нью-йоркскому хирургу д-ру Либерману ([Michael D. Lieberman](#)) и добавил – излечимо. Визит к Либерману назначен на 11 января (первый его приемный день после операционных дней), а это уже 3 месяца после начала хождения по врачам. Как оказалось, если бы не беспокойство подруги моей жены, то попасть к таким врачам было бы очень сложно, либо это было бы через довольно длительное время. NewYork-Presbyterian Hospital/Weil Cornell Medical Center, где оперирует д-р Либерман, считается лучшим в Нью-Йорке. Доктор Либерман назначил операцию на 16 января 2015 г. Должен заметить, что пятница – это не его операционный день, а день приема больных. Но он отложил прием, заказал операционную (такой порядок) и пришел меня оперировать.

Только в кабинете у Гельфанда я осознал серьезность моего положения. До этого я все надеялся, что эту опухоль можно как-то и «рассосать». Правда, я тогда не представлял степени опасности этой болезни и особенно степени моей опухоли. А химиотерапию я представлял как глотание каких-нибудь таблеток и все.

Хочу обратить внимание, что хождение по «русским» врачам длилось 2,5 месяца, а дальше – 16 дней. То есть с того момента, когда я впервые обратился к своему семейному доктору Аксельруду, до предполагаемой операции прошло почти три месяца. За это время к 31 декабря 2014 г. я потерял шесть кг., видимо, в результате стресса в ходе всяческих тестов и разговоров с врачами. Впоследствии знакомые и медсестры удивлялись, что ни семейный, ни другие врачи, которые исследовали меня, не могли так долго определиться с диагнозом. Они были крайне удивлены, что и гастроэнтеролог и предполагаемый хирург из Lenox могли так спокойно уходить в отпуска, затягивая время моей операции. Но здесь был и другой момент. В родне у меня ни у кого не было онкологии, и я все же надеялся на «ошибку» диагноза, да и при осмотре я не чувствовал никаких болевых ощущений. Обычных для такой болезни симптомов я также не проявлял. Даже Гельфанд, профессионал, без результатов скана не мог определить, что у меня рак. Все они потом говорили, что у меня какой-то исключительный случай: большая опухоль, но без метастазов. Правда, свою «исключительность» я подтвердил так же при переезде из Парижа в Нью-Йорк, когда у меня волосы на голове почему-то повернулись в другую сторону: то есть раньше я их зачесывал направо, а теперь приходится зачесывать налево (направо не хотят). Ни один врач также не смог объяснить мне этот феномен.

Любопытно. Когда мои знакомые и приятели, а также знакомые моей жены и сына узнали, что у меня рак, все стали рассказывать, что у их родственников, знакомых и знакомых их знакомых тоже был аналогичный случай, *и все они успешно вылечили эту болезнь*. У меня создалось такое впечатление, что чуть ли ни все болеют или болели этой опасной болезнью. Я был крайне этим удивлен.

Еще одно неожиданное открытие. О моей болезни каким-то образом узнали многие в России. (Видно, для многих это не укладывалось в голову: я – такой «орел» и вдруг такое!) С самого начала мне все пожелали успешного лечения и выразили надежду, что все будет нормально. Постепенно (а борьба шла в течение года) любопытствующие отпали, а остались «группой поддержки» семья, два моих друга и две подруги жены, одна из Израиля, вторая из Нью-Йорка.

Остальные, включая моих родственников, интерес к моей болезни потеряли. Как ни странно, американские приятели и даже те, которых я не особенно знал, постоянно держали связь с женой (сам я просто не мог выходить на связь), выясняя не просто, как у меня дела, но и предлагая любую помощь, в которой я нуждался. Мой зубной врач даже прислал корзину цветов и разных сладостей. Приносили нужные лекарства и книги, оставляя их у консьержа дома. Медсестры, о которых подробнее ниже, целыми командами высылали открытки с пожеланиями скорейшего выздоровления. Вахтеры дома, когда я выходил гулять, подробно выясняли, в какой стадии болезни я нахожусь, поощряя меня и настраивая на оптимизм. Такое внимание, причем постоянное, резко контрастировало с описанием бездушных, помешанных на деньгах американцев, которыми изобилуют российские писания о них. Если честно, я и сам был несказанно удивлен таким социалистическим поведением американцев.

Первый раунд – операция по удалению опухоли

В ожидании операции первая половина января прошла под большим стрессом вес уменьшился еще на пять кг. Итак, 16 января, пятница. Диагноз: опухоль – $T_4N_2M_0$ в сигмовидной кишке, с захватом мочеочника, стадия – 3-я (хотя по классификации T_4 – это 4-я, но без метастазов). Считается излечимой.

К 10 часам утра моя жена, сын и дочь повезли меня на операцию и где-то через час после всех последних бюрократических проверок меня направили в предоперационную комнату (многочисленные, поделенные занавесками отделения в огромной общей комнате, заставленной медицинским оборудованием всех видов), тут же подключив к капельнице. Около моей комнаты появился мужчина, говорящий на русском языке. Он объяснил, что является переводчиком с русского языка. Оказывается, я в каких-то бумагах написал, что мой родной язык русский. И для того, чтобы не было взаимонепонимания с врачами, мне прислали переводчика. Между прочим, оказался египтянином, учившимся в Москве в Университете Патриса Лумумбы. Я не знал, что у них есть такой сервис, который, естественно, входит в оплату операции. Я вежливо отказался от его услуг, подписав бумагу. Через некоторое время начался процесс фактической подготовки: вставили в межпозвоночный диск вход для эпидуральной анестезии, которая сильно облегчила послеоперационную боль, хотя сама процедура оказалась весьма болезненной. Приходили и уходили медсестры, замеряли и

перемеряли все мои показатели, заполняли еще раз многочисленные анкеты курю–не курю..., на которые я уже отвечал тысячу раз. Пришли для проверки состояния зубов (как у лошади) два анестезиолога. То есть практически врачи себя полностью обезопасили.

Рядом с моей комнатой слышу разговор американца, у которого рак желудка. Его тоже готовили к операции. Он же в это время бодро рассказывал анекдоты, довольно громко поговатывая. Я был крайне удивлен: в такой ситуации анекдоты и бодрость духа. У меня же никакой бодрости не было, рядом сидела жена и дети, которые рассказывали, что на мне в это время «лица не было». Я даже чуть было не психанул, хотел встать и уйти. Мне показалось, что и здесь всем на все наплевать. Но оказалось, что ожидание продолжалось так долго из-за того, что второй хирург-уролог (мою опухоль нельзя было удалять без изначального вмешательства хирурга-уролога) не завершил предыдущую операцию. Было уже где-то 3:30. Если бы до 4-х часов меня не повели в операционную, то операцию вообще бы отложили на следующую неделю (операционные комнаты работают в определенном режиме). Но тут доктор Либерман сам пришел за мной и буквально вырулил ситуацию, сказав: «Пойдем!» Мы пешком пошли в операционную. Пеший ход туда меня удивил. Тем более что путь был относительно длинный. В операционной меня ждали анестезиологи, второй хирург – тот, который отвечал за урологию и несколько сестер. Буквально перед тем как лечь на стол, мне дали на подпись бумагу (что я согласен на то, что нет стопроцентных гарантий), которую я подписал не глядя, поскольку уже мало что соображал. Операция длилась три с половиной часа. Считалось, что у меня был очень сложный случай.

Очнулся я в реанимации. Жуткая боль. Валя, дочь и сын были рядом. Они уже поговорили с врачами, которые рассказали что у меня отрезано-перерезано и что в меня вставлено. В Америке все говорят в таких деталях, что со слабой психикой можно и не выдержать. Утром я обнаружил себя всего в проводах и механизмах: капельницы, насосы, отводные мешки и трубки. Что-то типа киборга. Я почувствовал себя нечеловеком: дышу, но тело мне не принадлежит.

Вообще-то, несмотря на объяснения врачей, в том числе Гельфанда и Либермана, я четко не представлял, с чем мне придется столкнуться. Все как-то воспринималось теоретически под подбадривание родных и знакомых, что, дескать, все это не так страшно и т.д. Реальность оказалась не столь радужной.

Наутро после операции пришел Либерман, сказал, что все ОК и, дескать, начинай есть. Какой там есть?! Но в этот день меня «кормили» через капельницу. Пришла жена и дочь. Естественно, стали меня бодрить.

Вторая ночь – уколы. В эту ночь у меня возникли галлюцинации: мне казалось, что я не лежу, а стою, а все, кто ко мне приходят, «ходят» как бы ползком. Я первый раз в жизни узрел такое. Такого типа галлюцинации преследовали меня даже после выписки, уже дома дня два. Как потом объяснила жена и медсестры, они были вызваны болеутоляющими наркотическими средствами. Уже через два дня врач настоятельно рекомендовал начинать ходить, что меня крайне удивило, поскольку я лежал-то с трудом. Тем не менее я потренировался для начала просто сидеть, а затем все-таки прошел один круг по этажу. Пространство, где располагались индивидуальные палаты (меня туда перевели после реанимации), было довольно большим: круг, по которому ходили пациенты, был метров в сто. Сама палата – это действительно достижение современной медицинской техники и оборудования, приближенные по комфорту к домашним условиям

Обслуживали меня несколько сестер, которые менялись утром и ночью. В любое время суток их всегда можно было вызвать через специальный телефон. Любопытно, что одна из них была сербка по фамилии Ягода. Она хорошо знала значение своей фамилии и шутила, что в Гулаг меня не отправит. Любопытно также, что среди сестер не было чистых американок; были японки, китайки, филиппинки, чернокожие, испаноязычные (из Мексики и стран Карибского бассейна), немка, итальянка, полька. Среди них один был парень то ли из Кении, то ли Нигерии. Понятно, что комнату постоянно приходили убирать, приносили еду, меняли постель и пр. и пр. То есть моя жизнь киборга продолжалась. Все заходили с улыбками и пожеланиями здоровья. Все как один!

На следующий день я начал оживать, увеличил количество ходок по кругу, хотя еще остерегался есть. Выписали меня 22 января, во вторник. Перед этим одна из старших сестер показала Вале, как обслуживать временно повешенные на меня приспособления для выживания. Процедура не простая, много всяческих нюансов. Сказали, если не сумеете, или побоитесь, тогда вызывайте людей из социальной компании, которые будут делать все это за определенную сумму. Надо иметь в виду, что при госпиталях и сами по себе существуют так называемые социальные организации, которые обслуживают больных после выписки из больницы. Например, сделать уколы или ухаживать, если человек живет без родственников, или менять, как в моем случае, мешки, поскольку эта

процедура не простая. При госпиталях эти организации называются Department of Social Work; самостоятельная - Visiting Nurse Service. И таких организаций явно немало, поскольку они довольно долго мучили нас своими звонками с предложениями оказать помощь. Но жена отказалась от их услуг, поскольку заметила, что в первый же приход медсестра перепутала последовательность действий (Валя, несмотря на психологический шок от этой процедуры, уже тщательно подготовилась к ней).

Без женщин жить нельзя на свете, нет...

Я много писал о женщинах, об их месте в истории развития человечества, об их функциональных особенностях. Но одно дело размышлять об этом теоретически, другое – столкнуться с ними практически в состоянии, когда ты беспомощен. Я был потрясен несколькими открытиями для себя. Во-первых, процентов 90 обслуживающего персонала в больницах приходится на женщин. Причем, они выполняют такую работу, которая была бы просто не под силу мужчинам. Это связано с терпением, с умением общаться с больными, кормить и поить их, убирать «отходы» и все это с добрыми глазами и мягким сердцем. Я как-то раньше не задумывался над тем, что на женщин падает такой тип работы, от которой *физически* зависит жизнь человека. Большею частью касается эта работа тех сторон жизни, которые трудно назвать приятными. Это я испытал на себе. Все, что делали женщины, обслуживая меня в больнице, я бы в жизни не смог сделать. Я даже ни разу не рискнул взглянуть на свою рану: меня бы тут же замутило. У одной медсестры, Катрин, я спросил, собирается ли она дальше учиться на врача. Дескать, как минимум, зарплата будет намного выше. Она в ответ: не собирается, поскольку ей нравится ухаживать за больными. Я был крайне удивлен, что такого типа работа может нравиться. На протяжении всей своей болезни я имел дело со многими женщинами, так сказать, обслуживающего звена и постоянно потрясался их работой. И на практике убедился, что без них человечество просто не выжило бы. Не думаю, что они сами это осознают. Не исключаю, что это естественная потребность женщин делать добро, возможно, заложенная в них на генетическом уровне. В любом случае, ныне я смотрю на женщин совершенно другими глазами, чем до болезни.

Второй раунд – борьба на дому

С 23 по 29 января я находился еще в каком-то испуганном состоянии, похожем на паралич воли, в результате чего процессом очищения всех повешенных на меня мешков жизнедеятельности занималась жена. Сам я даже боялся смотреть на это: меня тут же мутило. Я чувствовал себя каким-то бесполым объектом, который сам не в состоянии ничего сделать. Правда, 26 января одна функция отпала – уролог освободил меня от катетера. То есть функция одного органа восстановилась. А 29 января я, наконец, сам научился обслуживать этот временно повешенный на меня злосчастный ileostomy bag, что необходимо было делать раз по 15 в сутки. Вряд ли эту процедуру жена выдержала бы на протяжении шести месяцев. Да я и сам не выдерживал этого психологически. Жить не хотелось.

Наступало время следующего этапа после операции – лечение. Это – химиотерапия. В моем случае эта процедура планировалась на 12 сеансов через каждые две недели. Но предварительно нужно было вшить в тело некий порт, через который «химия» попадала бы сразу в кровь. 7 февраля мне вшили под ключицу порт. Хотя эту операцию врачи называют простой процедурой, но делали эту операцию тоже под наркозом (команда китайцев, причем из КНР). Однако местный наркоз меня явно «не брал» и я чувствовал, как соединяют дренаж от этого порта с кровеносной системой. Возможно, я уже осатанел от постоянной боли, и каждое прикосновение ко мне сопровождалось страхом именно от боли. Любой.

Теперь можно было начинать химиотерапию. Она делилась на циклы. Медсестры в офисе Гельфанда (поначалу эта была американка польского происхождения Робин, а с шестого цикла китайка из КНР Чанг) соединяли этот порт с капельницей, через которую мне вливали более двух литров всяческих лекарств. Процедура занимала более трех часов. В конце каждого сеанса на меня одевали нечто вроде планшетки, наполненной химическим раствором, который также через порт выливал в меня в течение 44 часов свое содержимое. ТОЧНО через указанное время я должен быть снова быть в офисе, планшет снимали и вкатывали укол, позволяющий здоровым клеткам расти после того, как химический напалм выжигал все на своем пути. Этот укол для меня был самым невыносимым в химиопроцедуре, после которого я не то что ходить, ползать не мог как минимум два-три дня. Потом потихоньку начиналось восстановление организма, которое практически до следующего сеанса еле-еле приводило меня

в форму, когда я сам мог идти к врачу снова. Таким образом, один цикл длился две недели.

Дальнейшие детали я пишу только для того, чтобы те, «кто идет за мной» понимали процесс химиотерапии, были к нему готовы; они должны бороться, зная, что и этому есть конец. Это дает силы выдержать.

Я слышался и начитался про химиотерапию всякого. У кого-то первый сеанс был самым тяжелым, у кого-то последний. Я же «развил» все так называемые побочные эффекты в течение ВСЕХ сеансов (а это полгода постоянной химиотерапии). За первую неделю первого цикла я потерял еще 1 кг и 100 гр. (был 64,4 кг, а концу недели 63,3). К концу же второй недели я вновь набрал вес до 64,4 кг. Такая закономерность повторялась с некоторыми нюансами во всех циклах: первая неделя – потеря веса на один-полтора кг, вторая его восстановление. Температура не поднималась выше 36 град., по телу снова зуд.

Самая главная проблема – еда. Мои вкусовые ощущения кардинально поменялись, причем я не мог даже выявить никаких закономерностей. Точнее, закономерность была одна – я все время не хотел есть. Но есть-то как раз надо было. Самое главное в этом питании – вывести структуру крови на нормальный уровень, который у меня, естественно, не соответствовал норме. Валя изучила медицинскую литературу (в том числе и через интернет), а также практические советы людей, победивших рак, какие витамины, ферменты и микроэлементы мне были нужны в первую очередь для борьбы с онко-клетками. Она прочитала гору литературы на эту тему и к концу моих циклов стала профессионалкой. Ей приходилось изощряться в приготовлении соответствующей еды, что было крайне сложно, поскольку я сам не знал, что смогу проглотить, а что нет. Я не мог есть даже икру, ни черную, ни красную. Тем не менее вынужден был себя заставлять есть, иначе не смог бы набирать вес для следующего сеанса. Вскоре я почувствовал, что стали усыхать мышцы тела.

Циклы все проходили по-разному и с различными побочными эффектами. В пятом цикле появилась крупная сыпь на спине и шее. К шестому циклу – на руках и ногах. В бой пошли всевозможные мази. Я назову некоторые из них. Может, кому-то они тоже помогут. Это уже упоминавшаяся самая сильная мазь Clobetasol Propionate Cream, USP, 0.05%; Hydrocortisone Cream, USP 0.5%, Sensitive Sarna (Promoxine Hydrochloride 1%), Anti-Itch Lotion; Clotrimazole, Antifungal Cream USP, 1%; Benadryl (Extra strength); Permethrin Cream, 5%; Eurax lotion. Stops itching fast. Доктор Гельфанд успокоил меня тем, что это – результат действия химии и что постепенно все пройдет.

К седьмому циклу зуд уменьшился. Но в девятом цикле химия поразила слизистую во рту. Губы стали как бы обожженными. Было трудно есть. Продолжалось это недели три. В десятом цикле на меня обрушился «сушняк» (как после бурной пьянки). Горло не продрать. Лицо стало красным. Но зато почти восстановились губы. Но самым тяжелым оказался одиннадцатый цикл. Первая неделя протекала очень тяжело. Вновь запыхали губы, усилилась слабость, хотя она и сопровождала меня все циклы. Появилась невропатия (онемение кончиков пальцев на руках). Видимо, она должна было появиться значительно раньше, поскольку Гельфанд постоянно, уже со второго цикла спрашивал насчет этого симптома. В этот одиннадцатый цикл я совсем рассыпался. Валя в панике позвонила Гельфанду (воскресенье вечер!), дальше – неотложный визит к нему, тест на потерю равновесия, внеочередной забор крови (кроме того, перед началом каждого цикла проверка крови, включая онко-маркеры), тщательный осмотр тела. Результат: отмена двенадцатого цикла. Доктор сказал: «мы убиваем не человека, а болезнь». Стоп химии!

Наверное, надо сказать еще и следующее. Во время этих циклов я не только принимал лекарства, но и пытался постоянно держать себя хотя бы в относительно нормальной физической форме. Хотя я был совсем слабым, но ходил по квартире минут по пятнадцать дважды в день. Если же состояние позволяло, я кружил свои круги вокруг дома, что занимало около получаса. Для поддержания мышечной массы я занимался гантелями, хотя и с небольшими весами. Плюс раза по два в день я садился в массажное кресло на полчаса. А в свободное от лечения и физупражнений время изучал научную литературу для своей новой книги. Без последнего я просто бы сошел с ума.

Еще. Я уже упоминал, что во время циклов у меня постоянно брали кровь на расширенный анализ, по которому определяли динамику состояния болезни. Уже к шестому циклу онко-маркеры показывали 0+десятые доли процента, что говорило о практическом «убиении заразы» в организме, но врач настаивал на продолжении химии, поскольку курс в моем случае состоял из двенадцати циклов, где каждый последующий добивал то, что не уничтожил предыдущий. Двенадцать – это стандарт при лечении таких случаев как мой в *американской медицине*. Причину такого количества не знаю, но двенадцатую я не дотянул: доктор остановил процесс из-за моей полной дисбалансировки. Почти два месяца понадобилось для восстановления после химии, чтобы можно было продолжить реконструкцию моего кишечника, то есть приведения меня в нормальное состояние (take down ileostomy surgery).

Да, плюс к анализам крови мне вновь сделали CatScan (делал вьетнамец), который показал хорошие результаты. В любом случае на этом химиотерапия закончилась и надо было готовиться к очередной операции.

Побочные процедуры

Во время третьего цикла химиотерапии мне должны были убрать стент, вставленный хирургом-урологом в мочеточник во время основной операции. Я не знал процедуру его удаления. Неведение хотя и вызвало у меня психологический стресс, но читать про это я не мог. Валя знала, как это происходит, но мне ничего не сказала и правильно сделала. Меня к этой процедуре готовила толстая негритянка, подбадривая, что это ничуть не болезненно. Врач тоже сказал – ничего болезненного, все будет ОК. Но когда в мужской орган влили анестезию, я чуть было не прыгнул до потолка и орал, как мне сказала негритянка, 5–6 секунд. За это время стент вытащили. Короче, процедура, мягко говоря, очень неприятная, хотя и быстрая. Тут и стресс пропал и настроение сильно улучшилось от того, что еще один этап позади.

Теперь надо было готовиться к операции по восстановлению кишечника. Подготовка – множественные процедуры, по результатам которых доктор Либерман должен сделать заключение: к операции готов. Двойная колоноскопия – на предмет заживления рубцов, CatScan – быть уверенным, что нет метастазов, барий во все места – высветить и просветить весь кишечник. Все для меня было болезненно, боль превратилась в фантом. Валя каждый раз говорила очень уверенно: и это прошли, терпи!

Третий раунд – операция по восстановлению кишечника (26 августа, 2015)

В госпиталь к 10 утра. На этот раз меня довольно быстро оформили по всей бюрократической процедуре: курю–не курю, пью–не пью...точно как и раньше, хотя во всех бумагах 100 раз это написано. В предоперационной, хотя я уже был «с биркой на руке», опять спросили имя и сверили с ней. И через очень короткое время сестра отвела меня в операционную. И как у них принято, я подписал бумаги, что нет стопроцентной гарантии на положительный исход операции. Операцию и на этот раз делали два хирурга: Либерман восстанавливал

кишечный тракт, другой, молодой врач, вынимал из меня порт. Она длилась часа два.

Очнулся. Боль. Рядом Валя и дочь, которую я попросил уйти, чтобы она не видела моей страдальческой физиономии. Уже к вечеру меня перевезли из реанимации в отдельную палату, на тот же этаж, где я был раньше. Вкололи обезболивающее. На следующий день заставили ходить. Через каждые четыре часа проверяли температуру, давление, пульс. Между прочим, все эти данные немедленно отражалась на аппарате, который автоматически передавал информацию в главный компьютер, за показаниями которого постоянно следила медсестра. К вечеру зашел Либерман, сказав, что все ОК. В пятницу я уже увеличил количество кругов-прогулок по этажу.

Нужно сказать, что эта операция имела специфику, при которой рану не зашивают, а оставляют открытой для того, чтобы процесс заживления происходил изнутри наружу. В медицине это называют «вторичным заживлением». Это сопряжено с ежедневной особой обработкой раны – жгут внутрь пока постепенно не произойдет естественное заживление. Валя готовилась взять эту процедуру на себя, но, как мне показалось, сама боялась приступить к ней. Медсестра (та же самая сербка Ягóда) показала Вале, как обрабатывать рану. (Хочу упомянуть медсестер, которые помогали мне в этот также непростой период: это была немка Габи, с которой я немного практиковался в немецком, заодно рассказав ей о некоторых немецких поэтах; интересная девушка Катрин (отец – ирландец, мать – итальянка). Именно она сказала мне, что дальше учиться не хочет, поскольку ей нравится ухаживать за больными. И, конечно, властная сербка, которая полностью разделяла мои политические взгляды. Между прочим, команда медсестер и в прошлый, и на этот раз посылала открытки мне домой и звонила с пожеланиями скорого выздоровления. Я и в этот раз не уставал удивляться, какими вроде бы неприятными вещами им приходится заниматься: больные с ранами, капризами, «суднами» и пр. и с какой добротой они все это делают. После своей болезни я к женщинам стал относиться намного уважительнее и с большей любовью.

29 августа, в субботу меня выписали из больницы. Мне казалось, что теперь все пойдет по нарастающей в сторону улучшения. Оказалось не совсем так.

После операций

Во-первых, функция кишечника восстановилась в течение двух-трех дней. И это, как говорил бог Яхве на первой странице библии, «хорошо». Во-вторых, за раной следит Валя, что тоже хорошо. Но приходилось использовать обезболивающие таблетки, и эта вымучившая меня боль не уходила даже под таблетками. Я понял, что это действительно моя психика не справляется с болью. Казалось бы, прошел все, а нет сил доползти до финальной черты. Снова перешел на лежачий режим. Валя тут произнесла фразу, которую я запомнил: «тут или болезнь нас, или мы ее. Но я (она) не сдамся. У противника шансов нет». Про боль Валя предположила, что она вызывается изменением положения мышц при движении (рана-то открытая и все, так сказать, внутрь просматривается), что Либерман и подтвердил при экстренном визите к нему. Я удивляюсь, как Валя наловчилась звонить врачам и медсестрам и говорить с ними на их медицинском языке, получая немедленную помощь. Конечно, она тщательно готовилась вытаскивать меня из этого тяжелого состояния. Боль начала проходить с 15 сентября. Начал сидеть и вставать, но невропатия (онемение пальцев) сохраняется и по настоящее время. Постоянно тренирую пальцы. Некоторые полагают, что этот эффект может проходить годами или совсем не пройти, но «шансов у противника нет». В-третьих, во время последнего визита к Либерману три человека касались раны, и 15 сентября на теле появились какие-то волдыри недалеко от раны. По признакам Валя определила, что это герпес. Не знаю, кто занес, но получил я и эту напасть, т.к. иммунная система не справлялась с «врагом». Уже не было сил ходить по другим врачам, и Валя решила бороться сама. Ацикловир снаружи и внутрь в течение пяти дней – ее приказ. Вдруг на лице и голове расцвел дерматит, я покрылся как рыба чешуей. Но Валя твердит свое – «у противника шансов нет». Я уже плыл по течению, не сопротивляясь ее врачеванию. Рана стала затягиваться. Только после этой Валиной «рукопашной» я смог взглянуть на свое тело. Она победила! Ну и я немножко.

Одна только хорошая вещь, которую я получил «благодаря» этой болезни – бросил курить.

США: медицинско-промышленный комплекс

Нужно помнить, что США – это капиталистическая страна, отличающаяся от других капстран не только Европы, но даже своей соседки Канады. Медицина здесь не просто платная, а очень дорогая. Простой вызов скорой помощи (911)

может обойтись в пять тысяч долларов, если нет страховки. Но у меня в силу некоторых причин страховка была и есть, причем она покрывала фактически любые болезни и любые сферы услуг. Весь курс моего лечения в целом обошелся где-то в триста тысяч долларов. А со страховкой из моего кармана дополнительно на все ушло около пяти тысяч – это минимальные доплаты за некоторые процедуры.

Вот некоторые цифры для информации: первая операция стоила 72 305 долларов. Причем, раскладка была такой (цифры округленные): операция главного хирурга стоила – 17 050 долл., хирурга-уролога – 8 525, анестезиолога – 7 700 долларов; операционная комната (имеется в виду аппаратура, медицинские инструменты и др. мед. принадлежности) – 16 420; реанимация – 14 935, лабораторное обслуживание – 2 685, радиология – 270, лекарства – 80, сопровождающие инструменты (имплантируемые) – 4 456, другие – 185 долларов. Отдельная палата, о которой я упоминал, в стуки стоила 850 долларов. Изъятие стента – 2 100 долл. Внедрение порта в грудь – 6 263 долл. И т.д.

Главная проблема заключается в том, что масса этих расходов связана не с самим процессом лечения, а обслуживанием больных. Я нигде не встречал такой бюрократии, как в США. В первой части я писал, что в Канаде, когда мне делали операцию на ухе, в ней участвовало три человека: регистратор, медсестра и сам врач (других я не видел). В Нью-Йорке во время операции на глаза (удаление катаракты и имплантация хрусталика) меня обслужило 13 человек без учета самого хирурга и его помощников в операционной (человека 3–4). Если же говорить о количестве участников в моей онкологической болезни, то их было более сотни, наверняка.

Вот некоторые сюжеты американской медбюрократии. Каждый раз, когда я приходил на какие-нибудь тесты или просто на прием, надо было заполнять от 3 до 8 страниц бумаг, в которых отмечаю все свои данные (включая расовую принадлежность, поскольку чернокожие и китайцы по-разному реагируют на лекарства), плюс историю всех своих болезней. Причем, бумаги одни и те же; я их заполнил штук сто. Совершенно непонятно: как можно бороться за леса и уничтожать миллионы их гектаров впустую. Хотя избежать этой волокиты и растраты было бы легко: заполнить историю своей болезни у семейного врача, внести данные в компьютер, время от времени обновляя их, и если необходимо, немедленно пересылать их из этого компьютера по эл. почте на любой адрес больницы, которую ты посещаешь. Такая услуга, естественно есть, более того,

уже никто не выписывает рецепты для лекарств, а врач посылает рецепт со своего компьютера в названную тобой аптеку. Пока едешь домой, можно уже получить лекарства в аптеке. Но дело в том, что каждое медицинское ведомство – это иная бюрократия, иной бизнес. Так что каждый раз – все по новой. Нигде такой бумажной волокиты я не встречал. Не только в СССР, но и ни в Канаде, ни затем в Англии и во Франции такого не было. Да, еще очень важное – это количество бумаг, которые человек должен подписывать вплоть до самой операции и прямо перед операционным столом. Уже ничего не соображаешь, а должен расписаться, что ты согласен с тем, что действия врача не имеют стопроцентную гарантию. Этим врачи фактически снимают с себя ответственность за исход любой своей возможной ошибки или лечения в целом. Вот поэтому американцы идут только к рекомендованным врачам или тем, кто имеет высокий рейтинг (его всегда можно найти на интернете. Информация открытая).

В США самое дорогое лечение в мире в том смысле, что в среднем на человека приходится больше всего затрат в год, чем где бы то ни было. Но насколько оно качественное? Исследования указывают, что только на так называемое «лечение», в котором нет необходимости, в США тратится более 300 млрд долл. в год (цифры за 2013 г.); на всевозможные ошибки – до 200 млрд; административную неэффективность – почти 150 млрд; на неэффективность обслуживания в госпиталях – еще 100 млрд и т.д. В целом же на бесполезные траты приходится, по разным оценкам, от 600 до 850 млрд долл. год. О дороговизне лечения свидетельствуют такие цифры: стоимость пребывания в сутки в госпитале в США (в среднем) равна 4 287 долл. Следом идет Австралия – 1 472 долл., а во Франции – 853 долл. О «качестве» же лечения свидетельствует и такая красноречивая цифра: ежегодно в Америке умирает около 200 000 американцев из-за ошибок врачей. В результате по средней продолжительности жизни США в 2014 г. занимала 42 место в мире. Канада, как я писал выше, 14 место. То есть США по главному критерию прогресса – средней продолжительности жизни – фактически находится на последнем месте среди развитых стран мира. (Я недавно слышал по российскому телевидению как один из экспертов, которых сейчас пруд пруди, сказал, что США находятся на первом месте по продолжительности жизни. Спец!) Наблюдается такая закономерность: те капстраны, которые обозначают себя как социальные государства (это те, в которых развиты социалистические начала – Скандинавские страны, Канада,

Австралия, Новая Зеландия, Япония), там медицина качественнее и эффективнее.

Я здесь не собираюсь подробно описывать систему здравоохранения США, т.к. это очень обширная тема. Могу только сказать, что реформы в сфере медицины (суть – облегчить беднейшим слоям населения доступ к медицине), которые затеял Обама, осуществляются с громадным скрипом. Пока она все еще ориентируется на богатых.

Медицина здесь – прежде всего бизнес. Не успел я после первой операции доехать до дома, как по телефону и через Интернет посыпалась масса предложений о предоставлении всяческих услуг, лекарств, медицинских инструментов и т.д. Откуда они узнали, что я после операции и что многое мне надо, понятия не имею. Кстати, Валентина, немало нужных вещей как раз и заказывала через Интернет. В громадных аптеках, которые располагаются чуть не через каждый дом, набор абсолютно всего для любых видов болезни. Кроме этого через определенные расстояния друг от друга расположены своего рода пункты скорой помощи: это медицинские департаменты Нью-Йорка. В частности, на углу нашего дома находится именно такой департамент. Это нечто медпункта, куда ты можешь обратиться при необходимости или для неотложной помощи. Там тоже нужна медстраховка, но полечат и «за свои», только сильно дороже.

А теперь наблюдение, которое имеет отношение к другой стороне американской медицины. В ходе процесса моего лечения я столкнулся с американцами разных национальностей. Я насчитал около тридцати. Меня просто потрясло, когда я узнал, что одна из тех, кто меня обслуживала, была азербайджанка–тат, крайне редкая национальность даже в самом Азербайджане. Таты – это горные евреи. Она, с пяти лет живя в Америке, предпочла говорить со мной по-русски.

И еще один любопытный факт: главными врачами у меня были и есть в основном евреи (хирург Либерман, онколог Гельфанд, офтальмолог Шульман, семейный доктор Аксельруд и др.). (Хочу отметить, что евреи вообще сыграли положительную роль в моей жизни: учительница русского языка в Астрахани – Ц.З. Котляр, нейрохирург – Клейнер, проф. Гольдберг – в Ленинградском университете; в Москве: И.Я. Бурлингас в ИДВ, Я. Певзнер – в ИМЭМО). Я в принципе не понимаю, как можно быть антисемитом, имея в виду исключительно громадный вклад евреев в развитии человечества. Даже, когда я писал свою работу «Мирологию (Наука о мире)», – это книга о теории мировых отношений – три четверти авторов, на работы которых я ссылался, были евреи.

Но главное все-таки другое. Раньше я считал, что только Советский Союз умудрился сплотить различные народы и нации в «советский народ». Кстати, сам себя я тоже не рассматриваю ни русским, ни белорусом (мамина ветвь), ни татаринoм, ни азербайджанцем (отцовская ветвь), а именно советским человеком. После нынешней болезни я обнаружил, что в США проживает количество национальностей значительно больше, чем где бы то ни было (в одном справочнике вычитал, что только в Нью-Йорке говорят более чем на тысячи разных языках). И все они АМЕРИКАНЦЫ. И ладят между собой ничуть не хуже, чем различные национальности в СССР.

Эпизод: Валентина – «красно солнышко»

Несмотря на болезнь, я продолжал свои научные изыскания, хотя и не с той производительностью труда, как до болезни. Если бы я этим не занимался, я просто сошел бы с ума, поскольку не представляю, как можно ничего не делать, даже болея. Правда, все мои дела в основном сводились к изучению научной литературы для последующей книги и подготовки написанных книг для издательства. Правда, последнее главным образом было на плечах моей жены.

Совершенно естественно, своему выживанию и лечению я обязан сотням людям и врачам, которые профессионально делали свое дело. В еще большей степени я обязан своему сыну, поскольку без его финансовой поддержки меня просто не стали бы лечить. В ходе лечения он не только постоянно был на связи (он живет Калифорнии), но и звонил врачам, когда это было нужно, чтобы не упустить какие-нибудь нюансы, поскольку для него английский стал фактически родным. Дочь была постоянной поддержкой не только для меня, но и для моей жены, когда Валя чувствовала или свою неуверенность за моим уходом, или ослабевала из-за психологических стрессов.

В целом же никакое лечение не сработало бы без той поддержки, которая была со стороны Вали. Именно она боролась «врукопашную», изучив колоссальное количество литературы по моей болезни. К моему сожалению, из-за моей болезни она фактически приостановила свое творчество, писание картин и стихов. И в-третьих, и в-десятых, она не просто меня поила-кормила, но и выполняла очень серьезные медицинские функции, которыми овладела с помощью профессиональных медработников госпиталей и чтению специальной литературы. Предполагаю, что с профессиональной точки зрения ее знания в

этой области находятся между старшей медсестрой и врачами. Но главное, у человека, попадающего в такое состояние, как у меня, парализуется воля, химиотерапия уничтожая все на своем пути, убивает и нервные клетки. Человек становится невыносимым и крайне уязвимым. Это я пишу для того, чтобы тем, кто будет осуществлять подобную помощь сказать – боритесь до конца. Чтобы победить, нужна психологическая поддержка. Как оказалось, я не такой уж герой: впадаю в панику, в стресс, всего боюсь. И даже когда мне делают уколы, не смотрю на эту процедуру, а мое лицо, как мне сказала медсестра Робин, напоминает Baby-face (лицо ребенка, когда он плачет). В этом долгом процессе у нас с Валей выработалась какая-то взаимозависимость по типу сообщающихся сосудов: если у меня болела голова, у нее она болела тоже и наоборот. Если у меня настроение падало, у нее тоже. Мой стресс передавался ей и наоборот. Поэтому я старался быстрее отходить от всех этих негативов, чтобы мои больные флюиды не проникали в нее. И если я еще живой, то это благодаря Валентине. Правда, это касается не только моей болезни, но и всего моего научного творчества, да и вообще всей жизни. Без нее я вряд ли что-нибудь написал путного. Если бы я был верующим человеком, я возвел бы ее в святые и она стала бы Святой Валентина. Ну, а поскольку я атеист, то я присвоил ей имя Валентина – Красно солнышко! По-моему, тоже неплохо.

Алекс Бэттлер

06.10.2015